В. П. Винник

Магия чисел

(повесть)

Магия чисел

Жанр произведения: Проза
Произведение написал автор BookBox Владимир Винник
Ссылка на публикацию

1

Августовский ясный день, тепло, окна дома распахнуты настежь, во дворе шумной гурьбой бегают дети.

– Люба, Любашенька! – выглянув в окно, молодая девушка окликнула одну из бегающих девочек. Та подбежала к окну, вся во внимании. – Заходи скорей. Умываемся и идём покупать тебе платье для гимназии.

– Ах, Саша! – взвизгнув, девочка бросилась к входу. – У меня ведь есть платье, – вбегая, на ходу заговорила Любаша, – которое ты подарила в запрошлое воскресенье, на день рождения. Я его еще нисколечко не испачкала, не сносила, – запыхавшись, подбежала к Саше.

– Мисюсь, Любаша! – откинув назад голову, стоя у стола и как бы «свысока» посматривая на девочку, она подняла указательный палец. – Вам скоро предстоит переступить порог храма знаний, где приводят ум в порядок, – она ткнула пальцем Любе в лоб. – А для этого нужно, что? – отняла палец. – Нужна строгость, чистота и порядок во всём, даже в одежде. Разве ты не видела, как ходят на учебу курсистки?

– Видела! – подражая серьезности Саши, ответила та.

– Так вот! Требуется сменить весь гардероб, вплоть до, извини, панталончиков.

– А чем не нравятся тебе мои панталончики, мисюська? – передразнила Сашу. Она, засмеявшись, отбежала в центр комнаты и, подхватив полы платья, задрала их кверху, обнажив панталончики.

– Фу, Мисюсь! Как вульгарно вы себя ведёте.

– А вот и нет! – бросилась к Саше в объятья…

– Собираемся, дружочек, – выпустив из объятий девочку, сказала Саша.

– Угу, – промычала та…

Саша – Александра Петровна Лосева, молодая двадцатичетырёхлетняя девица, двоюродная сестра девятилетней Любаши, преподавала в прогимназии, окончив педагогические женские курсы. Она, оставшись сиротой ещё подростком, проживала в их семье у своей тети Софьи Васильевны, фактически став за эти годы членом семьи…

Любаша стала совсем петербургской девочкой, хотя родилась и часть детства провела в деревне Сурки, что на Рязанщине, с которой связана родословная её деда Никиты Запольского, священника-миссионера. Благодаря заботам старшей сестры Саши, она могла музицировать и сносно говорила по-французски. Детство, как ей казалось, было длинное. Отец, Николай Никитович Запольский, закончив в Петербурге духовную академию, занялся вдруг педагогической деятельностью, был в заграничных командировках, где занимался изучением вопроса образования. Мать девочки Софья Васильевна, домохозяйка. Кроме племянницы Саши с ними проживала ещё бабушка, мать Софьи Васильевны. Саша стала «родной» сестрой маленькой Любаши. Перебравшись в Петербург в конце 1870-годов, Николай Никитович преподавал в военной гимназии и руководил педагогическими курсами при этой же гимназии. Софья Васильевна была поглощена полностью заботой о муже-кормильце, который постоянно болел, поэтому Любашей, её воспитанием занималась практически одна Саша. Хотя они были сёстрами и любили друг друга как сестры, всё же Саша для маленькой Любаши была больше, наверное, вместо мамы. Несмотря на то, что глава семейства окончил духовную академию, в семье не царил «церковный дух». Девочки не были религиозны, их к этому просто не принуждали…

Утро, когда Любаша с Сашей в первый раз пошли в гимназию, было солнечно и тепло. Как она нарядна и счастлива была, во всём новом, как и ожидать не могла. Они шли, взявшись за руки, у неё в руке букет свежих цветов, которые приготовили бабушки, а Саша несла её портфель, в котором новые учебники, тетрадки и карандаши.

Вот уже и гимназия. Чистый двор с клумбами цветов, сверкающие на солнце большие окна здания. Праздничная новизна гимназии, чистота и простор в коридорах и учебных классах вдруг наполнился звонким гамом и криком детворы. Чинность и торжественность во всем ученической линейки, затем развод по классам.

А потом… а, что потом? Через несколько дней всё это стало привычно, по-иному и не должно быть, и всё это потянулось чередою неделями, месяцами, годами…

_____

Любаша училась хорошо, давались ей все предметы легко, хотя и преподавалось всё как-то казённо, без особого рвения учителей заинтересовать детей своим предметом. Больше всего ей нравилась математика, может потому, что молодой учитель математики не был как все учителя «серой мышью» и объяснял свой предмет не по-казённому тупо, а с увлечением, с присказками и прибаутками, пытаясь заинтересовать учеников математикой, которую он, по всей видимости, любил и за что его в классе называли чудаком.

Внешне жизнь и учёба в гимназии шла однообразно и буднично. Из года в год хождение в классы, всё это «серое» учение, а дома по вечерам домашние уроки под присмотром сестры Саши. И вёлся счёт дням, когда же, наконец, наступят каникулы, сначала святошные, а за тем и отпускные – летние. Одно только само собой изменялось: Любаша из скромной девочки превращалась в хорошенькую девушку, и она уже… в выпускном классе.

В крещенские морозы для выпускниц женской гимназии был устроен бал – первый бал в её жизни. Солнце уже зашло, и надвинулась сизая мгла, когда через освещённый фонарями парадный вход стали подходить приглашённые на их бал ученики выпускного класса мужской гимназии. Огромный зал, где проходил бал, освещённый светом множества люстр, и играл оркестр, дышал всей душистой свежестью и молодостью юных душ. Все нарядные с радостным молодецким трепетом в душе стояли густой девичьей толпой, когда то и дело один за другим к ним подходили гимназисты, с приглашёнными девицами, взявшись за руки, выходили в круг и неслись уже в кружеве вальса. К ней тоже подошёл гимназист в новом синем мундире и белых перчатках и, наклонив голову, робко произнес: «Разрешите пригласить вас на вальс». Они, как все, выйдя на круг, закружились в общем потоке вальсирующих. От его мундира, на котором лежала её рука, чувствовался ещё холодок, принесённый с морозной улицы, он перебивал запах французских Сашиных духов, которыми та позволила Любаше попользоваться в честь первого её бала…

Слова приглашения к танцу, произнесённые гимназистом, пробудили в ней первые чувства к тому особенному, что после бала уже дома они пьянили её воспоминаниями, не давая ей долго уснуть.

Прошли крещенские морозы, наступили февральские метели, а затем уже и много томных и грязных весенних оттепелей, какие обычно бывают в это время года в Петербурге, и тогда становится особенно тягостно на душе. Среди всей этой серости особенной радостью для Любы были воспоминания о бале. Но вот, наконец-то, наступила тёплая погода, предвестница начала лета и... торжественный выпускной день.

Любовь Запольская вышла из гимназии с Золотой медалью…

_____

– К сожалению, выбор у нас небольшой, – говорила Александра в семейном кругу насчёт будущности Любы, только что вышедшей из гимназии, – или пойти, так сказать, по семейным стопам, как мы с Николаем Никитовичем, и стать педагогом, или, – она насмешливо скороговоркой, – в модистки-артистки, развлекать взбаловашную публику, – и тут же сама открестилась, глядя на Любу, – но последнее, я думаю, нам не подойдёт.

– Да, пожалуй, – ответила Люба, – в педагоги, так в педагоги, прекрасно!

– Ну, вот и славно, мой дружочек, – Александра подошла к Любе, сестры обнялись и, стоя в объятьях, производили на присутствующих трогательное волнение.

Осенью Люба становится слушательницей трёхлетних педагогических женских курсов. «Опять настали обычные дни учёбы, сколько раз они ещё будут начинаться, пока, наконец, в моей будничной жизни произойдёт какое-нибудь необычное событие, которое оставит в моей жизни неизгладимое впечатление», – думала как-то Люба, глядя в окно, где на холодном небе едва мерцали своим серебристым блеском звёзды. Однако дни проходили за днями, и, если бы не тяга к учёбе, к познанию чего-то, что ей было до этого неведомо, дни проходили бы ещё тягостнее. Учёба ещё больше занимает и вызывает в ней пытливые вопросы и замечания, окутанные глубоким, может, даже философским, смыслом – понимания простой обыденной жизни.

Было у неё за время учебы на курсах и душевное потрясение: ушёл из жизни отец Николай Никитович, о котором, уповая на его долгую болезнь, бабушка со вздохом тягостно проронила: «Отмучился сердешный». С уходом близкого и родного человека она ещё больше задумалась о смысле жизни, о своём месте в обществе. Человек как личность формируется в социальных бурях нашего бытия, в этих гигантских движениях масс, образующих множество различных социумов, в достижении и предрассудках отдельных слоёв общества, в радостях и горестях каждого человека. Даже если человек замкнут только на личной жизни, всё равно вокруг остаётся духовная атмосфера, вне которой нормальная человеческая жизнь невозможна. Это она уже твёрдо усвоила, несмотря на свою молодость. И хотя жизнь, связанная с учёбой, у неё пошла по-прежнему, но всё же педагогические курсы отличались от учёбы в гимназии. Во-первых, это уже было время её юности, а не детства, как в гимназии, а во-вторых, жизнь на

курсах изменилась внешне, здесь тобой уже никто не понукает, никто практически не контролирует, весь успех учёбы зависит полностью от собственных стараний. Люба с успехом прошла и этот рубеж в своей жизни, закончив курсы с отличием.

_____

Но мало, ох, как мало было этих знаний для неё, ей хотелось чего-то большего, более глубокого, серьёзного и ёмкого, что могло бы раскрыть все её природные дарования. Она никогда ещё не чувствовала себя такой угнетённой и одинокой в своих стремлениях учиться и познавать, и только Александра, верный её «маяк» в исканиях себя, спасает в эти дни уныний и одиночества, с особой силой овладевшие ею.

Девяностые годы девятнадцатого столетия в истории России были насыщены крупными общественно-политическими событиями. Молодёжь-интеллигенция искали себя, чтобы быть полезной своему Отечеству и делать всё для подъема, прежде всего его экономики. Как и вся передовая молодёжь, Люба Запольская была тоже одержима идеей служения своему народу. Все в семье, в этом женском царстве, понимали рвение её к большой науке, понимали и то, что какие бы ни были материальные затруднения после ухода главы семейства, надо помочь, чтобы она могла и дальше учиться. В Петербурге того времени Бестужевские женские курсы были единственным учебным заведением, где она могла получить высшее образование. И в эту же осень, с одобрения домашних и огромного собственного желания, она становится слушателем физико-математического факультета. Учеба там – это совершенно другая среда и другой уровень преподавания. Добросовестно относясь к учёбе, она с большим интересом уходит в неё с головой, посещая лекции многих профессоров, работающих на курсах, и не только математики, но и физики, химии, астрономии. Здесь и определились её научные интересы к отдельному предмету – математике.

Люба, теперь уже Любовь Николаевна, успешно окончила Бестужевские курсы, получив высшее образование. Но и после этого она чувствует необходимость углубить свои знания и даже начать по возможности самостоятельные научные исследования в области высшей алгебры. Ей необходимы средства для продолжения учёбы, и она устраивается преподавать в гимназию, чтобы как-то поправить свою материальную сторону, но не переставала всё это время вынашивать мысль учиться за границей.

_____

Софья Васильевна после ухода мужа с каждым годом всё чаще стала болеть, да ещё на её руках была бабушка-мама. Она беспокоилась за дальнейшую судьбу обеих незамужних девушек, более всего за Любу, не потому что та её дочь, а Александра – племянница – нет! Она в равной степени по-матерински относилась к ним обеим. Просто у Александры остались от родителей средства, которыми она начала распоряжаться по своему совершеннолетию. Этим не располагала её дочь и жила на зарабатываемые средства. Единственно, что утешало эту озабоченную больную женщину, так это то, что девушки были дружны и привязаны вниманием друг к другу роднее всякого родства…

2

Было ещё темновато, но уже где-то там, с востока, забрезжил рассвет и бледная луна стала теряться в голубизне неба. Люба уже не спала часа полтора, и воображение её в это время рисовало себе университетскую кафедру и себя в ней за массивным столом. Ей казалось странным, что её бывшие сокурсницы, эти девицы, в своих разговорах при встречах больше интересовались не образованием, а куда более земными вопросами бытия, как тому: есть ли настоящая любовь или только это психоз, связанный с влечением полов. Люба среди них была, может быть, красивее всех, и казалось, что само даже её имя располагало к большой страстной любви. Но если бы её спросили: «Что такое любовь?» – она не нашла бы, что ответить. В её мыслях и даже в выражении красивого лица была скука в обществе этих излишне разговорчивых девиц…

– Эти избалованные молодые дамы никогда отродясь ничего не делали полезного для общества, и самое удивительное то, что они даже не обеспокоены своим бездельем, – говорила она сестре, уповая на то, что ни одна из её подруг-выпускниц не работает.

– А если нечего делать? – отвечала ей та.

– Нечего делать? – Люба пожала плечами. – Надо организовать свою жизнь так, чтобы труд был необходим в жизни. Без труда не может быть счастливой жизни, – и, немного помолчав, подумав, продолжила:

– А, главное, они не испытывают стыд, пренебрегая трудом, который им, видите ли, не нравится. Видите ли, им труд противен, и потом, как они наивны в своих мечтах думать лишь только о хорошей партии – о замужестве…

– Люба, отчего ты не спишь по ночам? – спрашивала дочь за утренним столом обеспокоенная Софья Васильевна, сама не спавшая от мучившей её мигрени.

– Да так, не спится. Лежу, всё думаю.

– О чем же ты думаешь, милочка! – дочь пожала плечами.

– О жизни, мама!

– О жизни?! – в словах матери чуть уловим был некий упрёк. – О жизни, душа моя, думают твои сверстницы, чтобы где-то пристроиться в этой жизни, сыскать, наконец, хорошую себе партию. А ты со своими думами озабочена, – она на секунду прервалась, – только своей… математикой. Тебе бы замуж, дорогая, и мне бы тогда было спокойнее, – немного помолчав, сказала мать.

– Замуж?! Воображаю себя эдакой гусыней с целым выводком, – она захохотала, закрыв лицо руками, затем, придав ему серьёзное выражение, продолжила. – Любовь и замужество – не главное в моей жизни. Чтобы рожать детей, кому ума недоставало? – вздохнув, после недолгого молчания ответила она на упрёк мамы. – Я увлекаюсь не мужчинами, а математикой. Мыслю «математически», и это уже со мной до конца дней моих, ибо я чувствую в себе, что не насытюсь ею никогда. И мне хочется заниматься ею, выпуская из головы все эти… дифференциалы и интегралы. Когда я начинаю думать, этим всем функциям в моей голове становится тесно, чувствую, как в мозгу моём бьется пульс, а вы говорите замуж, мама! Я конечно, вовсе не думаю, – продолжала она, – да и не стремлюсь, пожалуй, чтобы из меня вышло что-то эдакое… особое и чтобы создала что-то эдакое … великое, мне просто хочется жить и заниматься исследованиями в области математики, по крайней мере, сейчас, дорогие мои!

– Боже мой, что ждёт тебя, дитя моё, – мать жалостливо посмотрела на дочь, прервав её, а может, наоборот, почувствовала себя виноватой за то, что не может помочь дочери в осуществлении её мечты продолжить учёбу. – Что ж, раз ты так решила, от души тебя поздравляем, – не без иронии произнесла мать.

Её решение по возможности продолжить учёбу, да ещё за границей, где было чему и, главное, у кого поучиться, было непреклонно, и ей надо было, чтобы близкие поняли это, выслушав её, и сказали ей, что она поступает верно.

– Я царь, я раб, я червь, я Бог! – усмехнувшись, прервала молчание Люба, высказавшись воззванием Державина.

– Державин в твоём положении как нельзя кстати, – опрометчиво высказалась Александра. Она слушала Любу и странным образом, может, даже чутьём

угадывала её мысли и намерения. Она была худа и не очень красива, в отличие от Любы. У неё лишь были красивые тёмные глаза и умное всегда доброе выражение лица. Лет пять-шесть тому назад за ней ухаживал один служащий городской управы, но был, как ей казалось, легкомыслен, ветрен, и она, чувствуя ответственность, даже некий долг перед близкими, родными, некогда приютившими её, отказала ему на его предложение, боясь, что, он спустит все её и без того небогатое приданое, доставшееся от покойной матушки. А теперь ей уже далеко за тридцать и все желания и помыслы были обращены на заботу о родных, не помышляя более о замужестве.

Люба же была хороша собой, она не любила наряжаться, хотя одевалась недурно, а главное, опрятно. Поэтому, экономя средства для будущей учёбы, не ездила уже по магазинам, не бывала в театрах и концертах, да и не любила молодёжных увеселительных компаний, поскольку за время учёбы на курсах всё приелось. Теперь ей не хотелось превращать все эти посещения просто в какую-то обязанность. Не хотелось, потому что всё это раздражало и утомляло, делало будничную жизнь для неё неприятной. Они сами дома с сестрой на фортепиано музицировали в четыре руки и пели романсы. Она могла бы иметь успех у мужчин, но настоящим образом «влюблена» была лишь только в математику.

Во время семейных бесед, как правило, за обеденным столом, Александра больше всех поддерживала Любу в её стремлениях служить науке и сама советовала, сетуя на свою несложившуюся личную жизнь, ещё серьёзнее заняться образованием.

Она, посматривая на Любу, думала: «Если бы кто знал, что это за девушка? Красавица с чудесным выражением доброты на лице, мило улыбается, музицирует и много читает. Когда она говорит, то чувствуется в ней редкое, необыкновенное существо, проникнутое умом к высокому стремлению».

За прошедший год после окончания учёбы, работая в гимназии, ей так и не удалось собрать своих достаточно средств для поездки за границу, поскольку болели мать и бабушка, и ей вместе с Александрой тоже приходилось много тратиться. Но мечта об учёбе за границей её не покидала никогда, и она подала прошение в министерство образования, для того чтобы ей разрешили выехать за границу в Германию и продолжать учебу в Геттингенском университете. К её удивлению, она быстро получила такое разрешение, вероятно, здесь без её опекунов-профессоров Бестужевских курсов не обошлось. Она этим разрешением на выезд поставила своих родных перед фактом, который, как всегда, разрешила Александра, этот её «земной» покровитель.

– Вы все знаете, – обратилась однажды она к домочадцам в конце обеда за столом, – что у меня есть некие сбережения. Я поддерживаю Любашу в её намерении ехать учиться за границу и охотно поделюсь с ней своими средствами на содержание во время учёбы, а там, – она махнула рукой, – как Бог даст!

– Правильно, Сашенька, это решение, достойное уважения, – высказалась первая бабушка, хотя всегда в семейных разговорах больше предпочитала отмалчиваться, считая, по-видимому, что её мнение не так уж важно.

– Теперь тебе, дорогая, представляется прекрасный случай расстаться с нами к великому нашему неудовольствию, – сказала следом Софья Васильевна и, встав демонстративно из-за стола, уходя к себе в комнату, обернулась и бросила. – Хотя мы вполне тебя понимаем.

_____

Получив разрешение выехать на учебу в Германию, Люба стала готовиться к отъезду, собрав вещи, какие-то рукописи и издания. Навела у сведущих людей справки, как лучше доехать и где лучше остановиться, и мысленно уже жила там – в Германии. Сделав прощальные визиты к друзьям-коллегам и простившись с родными, в сопровождении сестры прибыла на вокзал. Было тихое, пасмурное, с лёгким голубым туманом утро. На вокзале многолюдно, везде носились в белых передниках носильщики, зал вокзала гудел, как пчелиный рой, от толпы народа. Паровоз стоял под парами, шипел, иногда выпуская клубы пара, и пахло каменным углём. Но вот по их прибытии, через минут двадцать дали предупредительные гудки. Сестры стали прощаться, и поезд… тронулся. В стёклах вагона замелькали разнообразные теснившиеся крыши построек, затем пошли какие-то перелески и поля. В октябре 1895 года Любовь Запольская впервые пересекла границу России. Экономя свои скромные средства, она ехала дальше в вагоне третьего класса и была приятно удивлена чистотой и аккуратностью в вагонах: «Не то, что в наших российских вагонах». За этим строго следил обслуживающий персонал поезда своими надменными германскими глазами. Путешествие для неё было необременительно, а может, даже весьма плодотворно, ведь в глубине души она таила в себе мечту о том, что когда- нибудь её путешествие будет рассматриваться как событие, как поступок ради большой науки.

3

Когда выехали из России, всё привычное, российское осталось позади: эти петербургские частые дожди и сырой воздух с белыми ночами. Здесь было всё

другое – другой вокзал, народ без суеты и диких толп, даже казалось, что грязь на мостовых и то другая, какая-то «чистая». В этой среде она почувствовала себя совершенно другим человеком. Уладив все дела с проживанием и устройством в университет, оставшееся время до учёбы бродила по узким сказочным улочкам, вымощенным камнем мостовых старого города южной Саксонии. Она с удовольствием прислушивалась к разговорам немцев и находила себя в том, что сама весьма недурно говорит по-немецки. Прибыв сюда, она чувствовала в себе способности для исполнения своей мечты учиться и твёрдо верила в себя, в свой ум, в своё беспокойное сердце, в свое миропонимание и сама восхищалась собой: «Невероятно… но все сбылось!».

В этом другом мире ей совершенно не на кого было положиться, и она старательно размышляла о том, как бы поэкономнее жить и уж никоим образом не давать себе отпуска во время учебы.

В конце XIX века Геттингенский университет в Германии был одним из ведущих мировых центров математической мысли. В нём работали такие выдающиеся математики того времени, как Гаусс, Риман, Клейн. Накануне приезда Любови Запольской на учёбу кафедру математики в университете принял молодой профессор из Кёнигсберга Давид Гильберт.

Когда слушатели первый раз переступали порог кафедры университета, Гильберт говорил своим ученикам на вступительной лекции: «Когда-то великий мастер-музыкант Иоганн Себастьян Бах, обращаясь к студентам Лейпцигского университета, где он возглавлял музыкальное общество, говорил: «От музыки должна исходить облагораживающая человека сила. Она с неистовой силой открывает перед вами беспредельный мир мысли. Она завораживает глубиной философской мысли, величайшей правдивостью выражения человеческих чувств». Я же хочу, в свою очередь, увлечь вас в мир математики, хочу, чтобы вы начали сознательно интересоваться наукой всех наук, коей она является. Далеко не все из вас смогут сделать какое-либо открытие в математике, хотя поле деятельности здесь бесконечно, но зато математика заставит вас, ваш ум и мысли работать в определённом направлении».

В этих словах было выражено главное кредо школы профессора Давида Гильберта для слушателей, выбравших и увлекавшихся математикой.

Он пробуждал в студентах не только новые мысли, но и сильные эмоции, которые вдохновляли его учеников на выдвижение ими фантастических гипотез. И если кто-то из его учеников проявлял какое-то мышление, отличное в своих

суждениях от общепринятых, то он не подавлял индивидуальность такого своего подопечного, а, напротив, давал ему возможность высказаться и раскрыть его в полной мере, наиболее ярко и глубоко. Он считал свободу научного творчества непременным условием деятельности ученого, тем более начинающего. Одним из таких его учеников была Любовь Запольская из России. Математическая школа Гильберта сформировала её взгляды своеобразно. Слушатели любили его философию, может быть, немного вялую, но зато ясную, и любили его самого. Это был умный, добрый и искренний человек, без всякого высокопарства, никогда не возвышался над студентами и считал их своими не учениками, а коллегами. И их отношения походили более на дружбу, хотя в учёбе, в требовательности к предмету не допускал никакого панибратства. Он часто с ними совершал прогулки по парку, где велись жаркие дискуссии, работал с каждым студентом, выявляя его способности и возможности мыслить аналитически, и потом уже предлагал, какой именно областью математики ему заняться.

– Вам, молодой человек, – говорил он одному из студентов, – лучше заняться теорией интегральных уравнений. А вот вы, – обращался уже к другому, – можете попробовать свои изыскания в основах геометрии. Ну а вам, прелестное создание, – обращаясь к Любови Запольской, – рекомендую сосредоточиться на теории алгебраических чисел, – он улыбнулся на её пристальное внимание и уже в дружеском тоне продолжил. – Я когда-то сам страстно был увлечён этой темой, но, увы, так и не довёл дело до логического конца. Так что я с удовольствием подискутировал бы с вами на эту тему, в качестве вашего оппонента, разумеется.

Он слышал, по прибытии в университет, о талантливой барышне из России Софье Ковалевской, учившейся в этих стенах четверть века назад. И ему импонировало то, что у него среди студентов тоже есть девушка из России, да к тому же одарённая и красивая. И мысленно он проводил уже между ними некие параллели. Ей же Гильберт напоминал чем-то её учителя математики в гимназии, того «чудака», не внешне, конечно, а манерой увлечённо объяснять предмет и умением завлечь им всех. Люба подхватывала всё на лету, что давали ей мэтры, от математической науки, и затем развивала мысли творчески, проявляя природное богатство своей души. Она наделена была большой энергией. По своим моральным качествам сдержанная, может, даже немного замкнутая, вызывала у своих коллег-студентов чувство почтительности. Простая в общении, она не любила в то же время распространённой среди студентов дикой простоты в виде шуток и острот. «Математика не любит эмоциональной остроты, из которой не могут происходить оригинальные идеи», – говорила сокурсникам на их притязания. И при всем этом легко находила общий язык с

любым собеседником.

«Только человеку с обострённым чувством гармонии и некого строгого порядка поведения подвластны переходы от интуитивных подсознательных ощущений к строгому порядку каких-то выводов», – это уже было кредо Любови Запольской…

_____

Прошли годы напряжённой учёбы. Сдав все экзамены, Люба готовилась к защите диссертации. Она была молодой красивой женщиной. Ей бы писать стихи и «увлекаться», а она пишет научные математические труды, и эти труды, как и её гармоническая природная красота, возникавшая в её воображении, находились в изумительной гармонии в мире математических чисел и функций. Для неё научное творчество стало формой самовыражения личности. Однако математическая наука – это не художественное творчество, где можно произвольно высказывать свои мысли и чувства. Математическая наука подчинена своим объективным законам, здесь неуместно свободное её трактование и с этим приходится считаться. Математические труды требуют, прежде всего, самоорганизованности и такой огромной затраты энергии, такого напряжения, что приходится отдавать себя полностью без остатка, и уже не хватает сил на что-то ещё земное. Научная работа по математике, посвящённая узкой теме, как то: «Алгебраические рациональные образующихся при решении уравнений третьей степени», которую выбрала она, никак не походит на увлекательную, пёструю и занятную по содержанию художественную книгу. И при этом, несмотря на занятость и погружение с головой в свою математику, она жадно любит жизнь, радуется её проявлениям, возвращает в своём воображении каждый год животворную весну, мечтая ещё любить, и с оптимизмом смотрит на своё будущее, чтобы безраздельно отдать этому будущему свои силы и свою жизнь. Творческая жизнь её пронизана любовью к математике. Это её отношение к чему-то неживому, этим числам и математическим знакам, во многом сформировало, конечно, характер и склад её ума.

_____

Её научным руководителем был Гильберт, и в беседах, особенно когда прогуливались по парку, он иногда пытался излишне уделять ей знаки внимания, это её приятно волновало, и в то же время она чувствовала некую неловкость. В этих их парковых прогулках вдвоём, в этой дружбе было что-то для неё неудобное, тягостное. Что касается профессора, то учитывая то, что девиц-аспиранток на кафедре было 1-2, то его воображение никого больше не рисовало так охотно, как эту молодую, красивую и изумительно талантливую девушку из России. А что касается её, то она не имела никаких определённых

намерений и ни о чём таком не помышляла, думая только о научной работе. Но почему-то всякий раз, когда они оставались вдвоём, дискутируя на какую-либо тему, даже пусть в области математики, ей становилось неловко, как-то стеснённо, и он чувствовал её смущение.

– Надо, чтобы даровитая, здоровая молодёжь занималась не только научными, но и личными делами, – иногда подшучивал он над её смущением. И каждый раз при расставании с ней выражал сожаление, что не располагает больше временем и пора ехать домой. А ей было неловко и немного, может, грустно, так как ей казалось, что они «обманывают» его жену, и в то же время ей было… приятно.

Когда он смотрел на высокую стройную блондинку, всегда нарядную, пахнущую особенными духами, то уже воображал себе её в своих объятьях, а она, как бы чувствуя это через его пронзительный взгляд, думала: «Он всё же, наверное, не любит свою жену». При расставании он всегда так трогательно целовал ей руки, что она еле сдерживалась, чтобы не броситься ему на шею. И уходя, клятвенно брал с неё слово, что непременно разговор о её диссертации продолжат вот так в парке на следующей неделе и хотел бы наконец взглянуть на её работу у неё дома, естественно! Для консультаций у научного руководителя достаточно было бы встречаться раз в две недели, а они встречались два раза в неделю. И каждый раз на кафедре, когда они встречались глазами, говорил с улыбкой:

– Хотите пройтись по парку? – намекнув на свидание.

– Да! – робко отвечала она и убегала вперед, зная, что он непременно объявится. Они оба были уже уверены, что необходимости в очередной консультации нет и что разговор их будет на эту тему самый ничтожный и боялись, что проявляя какие-то симпатии друг другу, не сумеют ничего особенного опять на этот счёт сказать, но она чувствовала, что в эту встречу, в этот вечер должно случиться то, о чём не смела она даже думать.

– Какая хорошая погода! – появился, наконец, он.

– Для меня решительно всё равно, – смело заявила она многозначительно, под впечатлением ещё не выветрившихся занимавших её мыслей насчёт сегодняшнего вечера.

– Почему же это для вас, фролен, всё равно? – сфамильярничал он.

– Потому что это для вас неинтересно, – закокетничала она, имея в виду их отношения.

– Что неинтересно? – как будто не поняв, о чём она. – Вы, пожалуйста, не церемоньтесь. Или думаете, что если я профессор, а вы мой аспирант, то уже обязаны «скучать» со мной.

Они немного помолчали.

– Воображаю, – продолжил он, – если бы вы вдруг в меня влюбились. Это было бы интересно, однако!

И тут же, не дав ей опомниться, продолжил:

– Пойдёмте к вам. Я, наконец, хочу взглянуть на вашу диссертацию.

Её бледное лицо побагровело, но глаза были полны счастья. Её томило очаровательное чувство, что он сейчас будет обнимать, целовать её, и ей хотелось верить в это сумасшествие, и было бы жаль, если бы этого в этот вечер не произошло…

Произошло – она сдалась на милость судьбе. После всего случившегося, глядя на неё, он вспомнил про ещё одну несчастную горькую жизнь, свою жену, которая ждёт его дома. Ему стало жутко и страшно своего блаженного состояния после всего случившегося между ними.

Уходя, он молча обнял её, стал жадно целовать и говорить, что давно не переживал таких восторгов. А она в глубине души чувствовала какую-то неловкость, так как в его любви было что-то неудобное. Этим неудобным было то, что он был всё же женат, и она чувствовала, как из-за этого ему тоже нелегко. Он сказал, наконец, что надо что-то делать, так долго это продолжаться не может. Она, сама не зная зачем, решительно ответила ему:

– Хорошо, я после защиты диссертации сразу же уеду в Россию. И пусть только этот вечер останется в нашей памяти как самая большая серьёзная любовь, – и потребовала, чтобы между ними не было ничего больше…

Наконец настал тот момент, когда под сводами храма науки, каким являлся Геттингенский университет, в присутствии уважаемой компетентной комиссии прозвучали слова:

– Я, Любовь Запольская, диссертант на соискание ученой степени доктора философии, моим оппонентам, уважаемой комиссии клятвенно заверяю, что предоставленная мною диссертация «О теории относительных кубических числовых полей» выполнена мной самостоятельно, без недозволенной помощи. Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубочайшую благодарность профессорам Клейну, Фогту и моему уважаемому учителю профессору Гильберту за помощь,

которую оказывали при учёбе…

По решению ученого совета – «… именем германского кайзера Вильгельма II… Любови Запольской присваивается ученая степень доктора философии и свободных искусств…»

После успешной защиты диссертации Любовь Николаевна Запольская в начале лета 1902 года вернулась в Россию.

4

Прибыв из Германии в 1902 году на родину, Любовь Николаевна, «обречённая» судьбой на одиночество, не думала как-то поскорее устроить свою личную семейную жизнь, а находясь с родными в Рязани, больше была озабочена, как бы поскорее найти занятие по душе – заняться преподаванием математики. Она устроилась преподавать в женскую гимназию. Дома у них было всё по-прежнему, единственно, что огорчало это женское царство, что с ними не было уже бабушки.

В следующем 1903 году были восстановлены в Москве женские высшие курсы и искали туда преподавателей. В московских математических кругах вспомнили о Любови Запольской, обладательнице ученой степени Геттенгенского университета, европейского центра математической мысли. И руководитель курсов Владимир Иванович Герье сам лично пригласил её в Москву, послав приглашение преподавать на курсах высшую математику.

– Поезжай! – добродушно сказала Александра, когда та оповестила родных о её приглашении. – Всё же Москва – не Германия, здесь рядом, под боком, стало быть, и видеться теперь будем чаще, по возможности, разумеется.

– И правда, Любаша! Саша права, – напутствовала Софья Васильевна и лукаво взглянула на дочь, – я же вижу, как у тебя загорелись сразу глаза с этой поездкой. То всё угрюмая ходила, а тут на тебе, как будто подменили.

– Вы опять заставляете меня бросать вас одних, – сдержанно, с озабоченностью ответила Люба. – Это, простите, возможно, лишь при плохом воспитании.

– Хорошее воспитание, дорогая, не в том, что ты не хочешь нас опять оставить одних, а в том, что тебе это предложил кто-то другой, – возразила Александра. – Мы же видим, как тебе здесь неинтересно, – она посмотрела на сестру, – я о работе говорю. У тебя, извини, на лице написано недовольство собой, какое-то неверие в полезность своего дела, или, по крайней мере, нет какой-то удовлетворённости в своём труде, нет возможности раскрыть свои знания в

полной мере, вот что я имею в виду. Извини, конечно, ты вольна поступать, как знаешь, а то ещё подумаешь, что мы тебя гоним, – она усмехнулась.

– Саша! Она и так уже всё решила. Давай лучше собирать её в дорогу, – смирилась опять с отъездом дочери Софья Васильевна.

Проводы прошли без особых хлопот. Уложив вещи в два небольших чемодана, одним ранним утром поезд, в который она села, уже мчал её до Москвы. Работать в Москве да ещё на совершенно другом уровне было для неё глотком свежего воздуха, дающего прилив новых сил.

«Появится, наконец, возможность помимо преподавания заняться опять научной работой», – думала она.

Что касается работы на женских курсах, то она всю эту «жизнь» знала уже, так сказать, изнутри, поскольку сама была когда-то воспитанницей подобного заведения. И это ей облегчило задачу освоиться. Она быстро для слушательниц стала «своей», завоевав у них признательность и уважение…

_____

Тёплый весенний майский день. Утренний ветерок через открытые окна класса без шороха бегал по шторам. Когда Любовь Николаевна подходила к классу, все слушательницы сидели уже по местам, и было тихо! Эта красивая, молодая, неизменно строгая женщина в золочёном пенсне на переносице, всегда, когда входила в класс, на их приветствие вставаньем произносила:

– Здравствуйте, мамзели! Прошу садиться, – поправив пенсне, подошла к открытому окну, постояла, о чём-то подумав, обратилась к присутствующим. – Ну-с, милые дамы, скоро вашим мученьям придёт конец, и вы забудете свою старую деву, – это она про себя, – которая терзала вас, требуя уважительного отношения к своему предмету.

По классу прошёл лёгкий шумок с улыбками на лицах.

– Нет, что вы, Любовь Николаевна! – послышались девичьи возгласы с мест. – Мы вас будем помнить, – не смолкали голоса.

– Да-а! – протяжно вздохнула она. – Расставаться всегда грустновато с теми, кого лелеял все эти годы, пытаясь увидеть в них плоды своего труда, – она улыбнулась и продолжила. – Выпуститесь через несколько дней, выскочите непременно замуж и погрузитесь целиком в эту тину семейной жизни со всеми житейскими и бытовыми неурядицами. И тогда прощай грамотность, всё, чему учили, ни к чему оно. Грамотность для вас заключаться будет лишь в том, чтобы

читать французские надписи на коробках модных парижских шляпок.

Класс загудел.

– Да-да! Не удивляйтесь! Уж поверьте мне, говорю вам это на примере своих сокурсниц по Бестужевке, с великим сожалением говорю, между прочим. Потому как и среди вас есть тоже весьма одарённые девицы.

– Лучше быть счастливым в семейной жизни, нежели успешным в профессии и несчастным, – кто-то напомнил ей об упоминании ею о себе как о «старой» деве.

– Вот видите, моё высказывание вас тоже задело за живое. Значит, я хоть отчасти, но права, – парировала Любовь Николаевна на дерзкое высказывание своих подопечных. – Лучше, дорогие мои, когда и то и другое сочетаются в равной степени. Ну что ж, займемся делом…

_____

Любовь Николаевна была занята целыми днями. Работа, затем университет и книги, она работала над диссертацией, и всегда возвращалась к концу дня, и только по усталому её взгляду можно было догадываться, как это всё утомляет её.

«Работа преподавателем, научная работа в университете – всё это хорошо, но зачем такие крайности, – иногда сама задавала себе этот вопрос, – так за суетой не увидишь, как жизнь пройдёт. Замуж надо. Но я могу полюбить только увлечённого человека наукой так же, как и я. Ради такой любви я согласна стать той, одной из своих воспитанниц. Самая высокая задача для каждого образованного человека – это служить людям, и я пытаюсь служить, потому как имею на этот счёт твёрдое убеждение – быть полезной людям…».

_____

К началу 1905 года диссертация была закончена, и уже в начале марта была назначена защита диссертантки Любови Николаевны Запольской на звание ученой степени магистра (доктора) математических наук.

Актовый зал Московского университета был полон. Официальными оппонентами Любови Николаевны от физико-математического факультета университета выступили профессор Л. Лахтин и профессор Д. Егоров. Кроме того были приглашены и присутствовали другие профессора и приват-доценты. Много было представителей прессы – шутка ли, впервые в этом университете публично русская женщина защищала диссертацию на получение ученой степени магистра (доктора) математики.

Когда встал председательствующий заседателей в комиссии, зал затих. Им была оглашена повестка дня и представлена диссертантка Любовь Николаевна Запольская на соискание ученой степени магистра (доктора) математических наук. Также были названы оппоненты диссертанта.

– Вам слово, госпожа Запольская.

– Благодарю вас, господин председательствующий. Уважаемые, господа!

Я, Любовь Николаевна Запольская, преподаватель математики, представляю научному совету университета в лице моих оппонентов профессоров Лахтина и Егорова свою работу на соисканье ученой степени магистра математики на тему «Теория полей алгебраических чисел». Пользуясь случаем, хочу выразить свою глубочайшую благодарность профессорскому составу университета, своим оппонентам за их внимание ко мне, как к диссертанту, давшим возможность высказаться перед уважаемым научным советом. А также выражаю благодарность всем присутствующим сегодня, – она обратилась к залу, – кто изъявил желание и проявил интерес к моим трудам…

Защиту признали и Любовь Николаевна Запольская была удостоена степени магистра (доктора) чистой математики.

_____

В Рязани практически на попечительстве одной её двоюродной сестры Александры Петровны Лосевой жила с ней совсем уже больная мать. И однажды весной 1906 года Любовь Николаевна, приехав навестить их, прониклась жалостью и заботой к двум уже пожилым женщинам, и уже не смогла вот так оставить их одних, можно сказать, на произвол судьбы.

Как человек деятельный, она поинтересовалась вопросами образования, особенно женского. В Рязани земляки, зная о ней, наслышанные об успехах, предложили место преподавателя математики в Рязанской Мариинской женской гимназии. Так она перебралась в Рязань.

5

Поселившись в Рязани, она была в кругу семьи, виделись каждый день, по вечерам с сестрой музицировали и пели романсы, и одно это уже для них было хорошо. Она часто выезжала в Москву читать лекции на высших женских курсах. У неё появился там новый друг, некий Николай Александрович Извольский, который тоже с 1907 года на курсах читал лекции по геометрии. Он был автором учебников по арифметике для гимназистов, и она живо интересовалась его

работами.

На курсах Извольский был, пожалуй, единственным её коллегой, хотя она была со всеми в дружеских отношениях, с кем она могла подискутировать-поспорить не только на темы, касающиеся их работы, но и вообще пространно, о житие-бытие. И, как казалось остальным, они проявляли друг к другу симпатии. Может быть, они и правы, во всяком случае её привлекательность, помноженная на талант, не могла оставить его равнодушным к ней, а ей он, по всей видимости, своей увлечённостью, порывом служить науке и отечеству напоминал того… из далёкой Германии.

_____

Любовь Николаевна, припозднившись, сидела одна в преподавательской и что-то, по-видимому, набрасывала для завтрашних занятий, когда вошёл Извольский. Он взглянул на часы.

– Любезная Любовь Николаевна, будет вам!

– Что? Ах да, я уже заканчиваю, а то дома опять весь вечер буду занята своими делами.

– Вечера иногда надо посвящать и себе, проводя их с увлечением и большим желанием, – как бы с намёком высказал он.

Внешним образом он никак не выражал к ней свои симпатии, но она чувствовала своим женским чутьем его неравнодушие к ней и кокетливо ответила:

– Ну-ну, хотите поухаживать… за мной? – а сама про себя подумала:

«Если опять дам вольность своим чувствам, повторится та же история, что… в Германии. Поскольку у него тоже семья, репутация и прочее. Или это мне уже написано на роду быть… куртизанкой».

Он, чтобы избежать неловко затянувшегося молчания, спросил:

– Как вы, Любовь Николаевна, в этих своих числах находите каждый раз что-то новое. Завораживает вас эта «магия чисел».

– Очень просто! – смело заявила она. – Не надо бояться всего нового, как раз той самой новизны и свободы мысли, которая отличает настоящую науку от бесплодного повторения прописных истин. На мой взгляд, мы, занимающиеся преподаванием и наукой, стараемся отыскать обстоятельства, мешающие чего-то добиться, и упускаем из виду те обстоятельства, благодаря которым новое

появляется на свет.

– Я вас понял, Любовь Николаевна, чтобы создать что-то новое, необходима не только смелость, а, если хотите, и дерзость мысли.

– Чтобы создать что-то новое, нужна способность отвлечься от всего земного и от привычных принимаемых всеми идей и мыслей в науке. Конечно же, требуется и романтический порыв первооткрывателя, – она вздохнула, – и ничего романтического уже не остаётся для личной жизни, к сожалению!

– Да, но для того, чтобы, как вы выразились, не бояться всего нового, нужен особенный характер человека. Здесь явно мало одной усидчивости, феноменальной памяти, добросовестного отношения к своему делу, и, если хотите, здесь не обойтись без «холодного» рассудка, – добавил он, подумав, видимо, о себе, – первооткрывателю чего-либо требуется страстная любовь к истине, вдохновенный труд. Именно вдохновенный, захватывающий целиком тебя – не только твой мозг, но и всю нервную систему. Именно так создаются великие творения научной мысли. Ах, Любовь Николаевна, как я вас понимаю. Не каждый человек раскрывается для творчества, не понимает или не хочет проявить свою личность себе на счастье, другим во благо. Здесь есть над чем задуматься, чтобы лучше понять сущность высших влияний на развитие таланта.

– Вот ещё! Не люблю я этого слова «талант», – прервала его она, – нужно просто в себе укреплять волю, решимость в достижении желанной цели, а это возможно только при железном характере, вы правы! Тепличная обстановка, вот как у большинства наших слушательниц, действует разрушительно для духовной эволюции личности.

Каждый раз по приезде в Москву, у неё не было никаких осложнений с подрабатыванием преподаванием, поскольку с Извольским, который заведовал на курсах математикой, их связывали уже крепкие дружеские отношения, и, может, даже… не только. Он был женат, но жизнь вёл скитальческую, поэтому имел и случайные встречи, и любовные связи, и как к случайной, отнёсся поначалу и к связи с ней. Но с каждым разом, встречаясь, всё больше стал убеждаться, что она ему становится всё милее и дороже всех на свете. В разлуке безумно жаждал встречи с ней и уже страстно любил в минуты близости, которые выпадали нечасто, и она называла его уже Николя.

Работая в Рязани, Любовь Николаевна живо интересовалась и следила за новинками в науке. Весной 1910 года ей представилась возможность выехать в Геттингенский университет для прослушивания лекций. Она выехала в

Германию. Цель её поездки состояла в том, чтобы посетить несколько лекций, которые во время учёбы устраивали мэтры от математической науки, принимая своих коллег. В первый же день по прибытии она, конечно, сразу же посетила парк, прошлась по нему, хотела вызвать в себе грусть, жалость воспоминаний и не смогла…

Строгий тёмный сарафан с высоко поднятыми плечиками в складку, облегающий её, необыкновенно шел к её тонкому стану. Глядя на неё со стороны, можно было увидеть в ней что-то таинственное, что обращало на себя внимание.

«Ах, как давно я не была здесь, – шагая по университету, думала она, – не была со второго года, а кажется, что была здесь только вчера – так всё здесь по-прежнему». Одно было для неё странно, одно указывало, что всё-таки что-то изменилось с тех пор. Она не испытывала того трепета души, что во времена пребывания здесь за учёбой. Она, конечно, думала, как произойдёт её встреча с Гильбертом.

«Он, наверное, не изменился, и тем страшнее будет увидеть его, вдруг то, что когда-то было между ними, вспыхнет с новой силой, – но тут же подумала о Николя и вздрогнула. – С кем я теперь в дружбе или приятельстве и с кем… в сердце своём. Всё началось когда-то здесь, наша любовь. Думала, что ей конца не будет, а всё протекло и завершилось».

Всё было теперь для неё немо и просто, спокойно и печально. Она встретилась с Гильбертом после его лекции, на которой присутствовала.

Он был чертовски рад встрече с ней и любезен, как никогда. Она видела, как, глядя на неё, у него блестели глаза в предчувствии того, что вот-вот будет то, что когда-то было в их отношениях. Но она была сдержана и без излишних эмоций выслушивала его и с такой же любезностью отвечала ему. Была дружеская встреча, осыпанная взаимными любезностями, конечно, был заметен лёгкий трепет когда-то влюблённых сердец и обоюдное восхищение успехами на научной ниве, и не было больше… ничего.

Уехала она без особого сожаления, потому как в поездке у неё была совершенно другая цель, которая, к счастью, исполнилась в полной мере.

6

В августе 1910 года Любовь Николаевна увольняется из Маринской женской гимназии, где зарекомендовала себя с наилучшей стороны, и выезжает на постоянное жительство в Москву преподавать на женских курсах уже на

постоянной основе…

– Здравствуйте, Николай Александрович! – официально обращаясь к Извольскому, вошла на кафедру. – Вы позволите пройти? – и на ходу. – Примите заблудшую дочь в родные пенаты, господин профессор?

Он встал и, ничего не говоря, подойдя к ней, пристально, неравнодушно всматривался ей в глаза. Затем прильнул лицом к её рукам.

– Дорогая моя! – на её фамильярное обращение начал он. – Я не только приму, а и готов уступить по достоинству вам своё место, – пошутил он улыбаясь, – а сам буду вот тут, – он забегал радостными глазами по углам, – подле ваших ног, здесь, – он указал рукой на место под столом, – как преданный пёс.

Она с трепетом в душе коснулась рукою его щеки, и они обнялись. Он горячо целовал её, бормоча: «Боже! За что ты посылаешь нам такие испытания?» – немного успокоившись, предложил ей присесть.

– Наконец-то решилась, а я уж подумал, что ты отвергла моё предложение, или того хуже, может, там завёлся у тебя какой-нибудь месье.

– Николя, я тебя умоляю.

– Ну, извини! С Владимиром Ивановичем (руководитель курсов Герье) всё оговорено насчёт тебя, так что можешь не беспокоиться. Забавный старик, он о тебе помнит ещё по третьему году и весьма похвально о тебе отзывался: «Отличная во всех отношениях преподавательница». Да, что же это я сразу о делах, ты ведь только с дороги. Извини, что не смог встретить – невовремя вышла работа. Я подыскал тебе жилье, как ты и просила, скромно, без излишеств, но довольно-таки уютно. Решим вопрос и с квартирными за счёт учебного заведения. Я дам тебе провожатого, покажет тебе твоё гнёздышко. Сегодня у нас четверг, вот, устраивайся, отдыхай, обживайся, одним словом. С понедельника ты будешь уже в расписании занятий. А сейчас извини, мне кое к чему надо подготовиться. Пойдём, я провожу тебя.

Они вышли из кабинета, а затем, выйдя из здания, он обратился к женщине средних лет, сидящей на лавочке, по-видимому, техническому работнику учебного заведения.

– Акулина Игнатьевна! Вот мой коллега Любовь Николаевна, покажите им их жилье и всё там уладьте по обыкновению, мы давеча об этом с вами говорили.

– Хорошо, Николай Александрович!

– Здравствуйте! – обратилась к ней Любовь Николаевна.

– Здравствуйте! Давайте, я вам помогу, – приняла чемодан…

_____

В осенний холодный вечер она сидела на диванчике, прикрывшись пледом, с книгой в руках, когда вдруг брякнул звонок в прихожей. Подойдя бесшумно к двери, увидела Извольского.

Он, переступив порог, наклонился, и она, быстро и крепко обняв его шею, радостно спросила:

– Ты до завтра?

– Да! До завтра.

– Господи, Николя! – она провела щекой по его губам, и он стал целовать её в щеки, губы…

Проснулся он перед рассветом. Она сидела около него с заплаканными глазами, поджав ноги, облокотясь на колени, и смотрела тупо в окно. Он сухо спросил:

– Ты плакала?

– Я для тебя всем пожертвовала, – неожиданно для него сорвалось с её дрожащих губ, – и прежде всего честью. – Бросила близких мне родных, – она искоса посмотрела на него, – а ты такой умный!

Затем, прийдя немного в себя и как бы стыдясь своего упрёка в его адрес, отвернувшись, ласково сказала: «Извини! Эти наши встречи…».

Он приподнялся и обнял её. Затем она, отстраняясь, не отрывала от него глаз. Трудно описать восторг, может, даже страдание, каким светилось её лицо. Её глаза улыбались и блестели, накапливая слёзы, и губы дрожали. Они глядели друг на друга с выражением горечи, досады на правду, играющую трагическую роль в личном счастье этих двух людей.

– Мы дворянское отродье, – прервал он тягостную тишину, больно действующую на два влюблённых сердца, – не умеем просто любить. Живут же простые какие-то там Иваны с Марьями, живут, так сказать, «по воле божьей», что-то не понравилось, разбежались и их при этом мало тревожат проблемы нравственности, чести и, наконец, элементарной порядочности, – он встал и стал нервно ходить по комнате. – А тут какие-то обязанности перед кем-то, – это он про свою семью, – и зачем надо губить себя, – он вздохнул, – зачем только свела

нас судьба. Я, конечно, виноват во всём: и тебя мучаю, и себе не нахожу места. Ты для меня больше, чем жена. Приезжать к тебе, обнимать тебя, для меня…

А потом роли переменились. Уже она успокаивала его. Она, обняв его, жалея, уже с сияющими счастьем глазами поцеловала его, и тихо сказала: «Пойдем пить чай…».

Когда он уходил, она, провожая его с гордым чувством победительницы в этом душевном поединке двух сердец, с порога, мило улыбаясь, бросила ему вслед:

– И не вздумай завтра при всех коллегах пялить на меня глаза…

Время шло неделями, месяцами, прошли чередой… четыре года. Их отношения были дружескими, по возможности «встречались» вне работы. Он часто стал выезжать на свою родину в г. Епифань Тульской губернии. Затем началась летом война, и она обеспокоилась за него. И когда он появился перед началом учебного года, она с тревогой спросила:

– Тебя не призовут к фронту, ведь это, извини, обязанность всех мужчин?

– Не думаю! Там, где убивают без разбора, не место такому интеллигенту, как я! Да и потом, откровенно признаться, я недостаточно крепок для грубой армейской жизни, и к тому же возраст. Извини за нескромность, но от меня пользы будет больше здесь, чем там. Хотя ты права, сейчас место каждого порядочного здорового мужчины в окопах, – он помолчал с минуту, затем добавил насчёт себя, – но даже здесь, в эти военные времена, надо прожить разумно и с пользой для отечества.

Она мило ему улыбнулась, довольная его рассуждениями «о служении отечеству» и была горда тем, что человек, которого она покоит в своём сердце, высказывается на происходящие события так же, как и думает она сама.

Их семью постигло очередное несчастье: умерла Софья Васильевна. Любовь Николаевна выезжает в Рязань, и в течение недели после похорон сёстры находились вместе. Александра Петровна тоже уже была не совсем здорова, одиночество от несложившейся личной жизни, постоянная забота о близких – всё это, конечно, сказалось на её самочувствии. Любовь Николаевна в разговорах с ней «украдкой» наблюдала за этой уже пожилой женщиной и в душе таила жалость к этому единственному родному человеку. Она с детских лет опекала её и теперь сама нуждалась в чьей-то заботе.

«В чьей, как не в моей», – думала, глядя на неё, Любовь Николаевна.

Но Александра Петровна, не привыкшая раскисать и унывать, и в эти скорбные и нелёгкие во всех отношениях дни пыталась держаться достойно и бодрилась, поддерживая сестру и себя.

– Да, душа моя Любашенька! Вот и мы дожили до этих серых и мрачных дней. Что творится на белом свете. То война, будь она неладна, то революция за революцией, и когда будет порядок? Я вот ходила с утра на рынок, – накрывая стол к обеду, говорила она, – так княжна Шиховская торгует там редиской, можешь себе представить? Неужто не найдётся пророка в своём отечестве, чтобы вся эта вакханалия власти прекратилась, и опять всё стало бы с головы на ноги, – и, хлопнув ладонью по скатерти стола, усмехнувшись, глянула на Любовь Николаевну. – Вот мы, «барышни», музицируем, говорим в доме по-французски, а есть, прости, иногда нечего, или уж если не голодно, то и не сытно! На всём приходится экономить. Говорят, ещё одно новое правительство появилось где-то в Сибири, – уже за столом спросила она, – в каком-то Омске, и возглавляет его адмирал Колчак. Ты не слышала? Вы там, в столицах, проживаете, как говорится, все новости из первых рук.

– Слыхала, – безразлично к сказанному отозвалась Любовь Николаевна, – верно говоришь, видимо, не скоро ещё наступит порядок. Москва гудит, как пчелиный рой. А по ночам бывает частая и беспорядочная стрельба. Всё больше приходят в разорение учреждения, а какие и сами закрываются. Неизвестно, что будет и с нами. Вот ты упомянула княгиню торгующей. Как бы и мне в пору не пришлось заняться чем-то непристойным. Наше руководство подало прошение, ждём от Советов выхода какого-то декрета о дальнейшей судьбе нашего учебного заведения.

– Да! России приходит конец, – горестно отозвалась Александра Петровна, – да и всей нашей прежней жизни тоже конец. Даже если и случится чудо, и мы не погибнем в этой заварухе, то всё равно, что было далеко и не нужно теперь!

Уехала в Москву Любовь Николаевна на следующей неделе с чувством досады, жалости к сестре, и её не покидала мысль как-то исправить положение, может, даже вернуться в Рязань.

Вскоре её намерение вернуться к сестре подвигло ещё одно обстоятельство. Время военное, Москва неприветлива своим голодом и холодом. В 1919 году Николай Александрович, единственная её надежная опора-друг и по работе и не только, из-за трудностей, в том числе и материальных, вынужден выехать из Москвы на постоянное место жительства на свою родину в г. Епифань Тульской губернии, где были организованы на постоянной основе педагогические курсы, и преподавать там математику. Там было всё же относительно легче пережить

голод и холод – разруху гражданской войны.

Учитывая эти два важных для неё обстоятельства, уже твердо решила оставить Москву до лучших, так сказать, времён и вернуться в Рязань.

7

Перебравшись в Рязань, она намерена была устроиться преподавать в родную гимназию. О её появлении руководством гимназии было сообщено Губернскому отделу народного образования, и по распоряжению последнего ей было предложено преподавать математику в только что открывшемся (в 1918 году) педагогическом институте – первом высшем учебном заведении Рязани. И так получилось, что она стояла у истоков его развития, впоследствии много сделав для становления этого учебного заведения и преподавания, в частности, математики. Время шло, отгремела гражданская война, и стал постепенно мало-мальски налаживаться быт с введением НЭПа. Вместе с отраслями, теперь уже народного хозяйства страны, стало восстанавливаться и активно развиваться и отечественное образование. Она, как преподаватель высшего учебного заведения пользовалась всеми правами, предоставленными декретом СНК (Совет Народных комиссаров) от 19 декабря 1918 года, и уже не приходилось им с сестрой жить в холоде и голоде, поскольку получала денежное довольствие и спец. продовольственный паёк…

– Вот видишь, Саша! Не пришлось нам, как княгине Шиховской, осваивать новую профессию лотошницы. Сегодня мы с тобой богатые, – стараясь подбодрить сестру, говорила Любовь Николаевна, придя с работы с очередным продовольственным пайком. Александра Петровна, оставив своё занятие по шитью, подошла к столу, куда Любовь Николаевна выложила содержимое пайка, и, окинув взглядом это «богатство», мысленно уже делила его на дни до следующего срока отоварки.

– Ты с работы, дружочек мой! Так что отдыхай, Любаша, а я сейчас соберу на стол, почаёвничаем. Да! Твой сарафан уже практически готов, – спохватившись, доложила о своем занятии в её отсутствии – Вот только не знаю, как быть с манжетами на рукавчиках, потом поглядим вместе.

– Хорошо! Посмотрим.

Сели ужинать.

– Да, приходила молодая женщина с почты, тамошняя служащая, спрашивала Любовь Николаевну – тебя. Принесла письмо, справлялась о тебе, как и что,

сказала, что она одна из бывших твоих учениц по гимназии. Письмо из Ярославля, судя по штемпелю. Разве у нас кто-то есть в Ярославле? – удивилась она. – Я положила его тебе на стол, там, у чернильного прибора.

– Хорошо! Я потом посмотрю. Может, это коллеги по работе через отдел образования обмениваются каким-нибудь новшеством в преподавании своих предметов.

Александра Петровна посмотрела на сестру и не без восторга с лёгкой иронией проронила:

– Уж не покровитель ли твой опять объявился. Тоже мне, губитель дамских сердец. Но почему из Ярославля? – не унималась она, пожимая плечами.

– Не знаю, дорогая! Прочту и непременно удовлетворю твоё любопытство.

– Вот ещё! – о чём-то подумав, воскликнула Александра Петровна. – Двум старушкам-барышням, между прочим, не хватало ещё «старого козла», – сёстры рассмеялись.

– А что, и на старуху бывает проруха, – съязвила Александра Петровна.

_____

Когда Александра Петровна отошла уже ко сну, Любовь Николаевна, зайдя к себе, взяла конверт и присела не на стул у стола, а на кровать, облокотившись на подушку. На конверте увидела знакомый почерк.

«Прорицательница ты моя», – подумала она про сестру. Письмо было от Извольского и изложено в том интимном плане, что неловко его обнародовать, – оставим их одних с чувством любви разделённых сердец. Стоит только добавить, что он был профессором Московского университета и заботливо справлялся о её здоровье и устройстве при новой власти.

Прошло немного времени, и Александра Петровна почувствовала себя совсем плохо. Обычно она по привычке, «заведённой» ещё с молодости, продолжала опекать Любашу – Любовь Николаевну. Всегда в заботах, провожала с напутствием и встречала с приветствием её с работы.

А тут однажды, возвратясь со службы, Любовь Николаевна встревожилась её отсутствием у «порога». Вошла в её комнату, – та лежала, уставясь тупо в потолок.

– Что с тобой, дорогая!

– Ничего, мой дружочек. Слабость только какая-то в теле. Я сейчас с ужином соберусь.

– Господи, да лежи ты уже! Как ты меня напугала! Я сейчас всё сама сделаю. Тебе что приготовить?

– Ничего! Принеси попить.

Пока Любовь Николаевна возилась у стола, Александра Петровна и впрямь поднялась, собрав всю волю в «кулак», и вышла к столу, чем удивила сестру, и при этом пыталась ещё шутить:

– Бог скоро приберёт меня, приедет к тебе твой «старый козёл» и заживете пуще прежнего…

Они долго сидели за столом. В предчувствии неизвестного Александре Петровне надо было, наверное, высказаться:

– А помнишь, как мы ездили на извозчике выбирать тебе платьице для гимназии, – Любовь Николаевна, глядя на сестру, как-то жалостливо улыбнулась, вспомнив, наверное, Сашу молодую и сопоставив с этой…

– Я всё помню, Саша!

– Ты всё капризничала: и это, и то не так, и всё повторяла, что пойдёшь в том платье, которое давеча я принесла тебе ко дню рождения. Помнишь, такое беленькое с плечиками, какие носили уже молодые девушки. Господи! Что делает с нами время…

Через три дня Александра Петровна скончалась. С похоронами Любови Николаевне помогли её студенты, особенно парни, взяв на себя все хлопоты по погребению.

Шло время, выстоять очередной удар судьбы ей помогала работа: в окружении молодёжи не давала себе унывать и раскисать, хотя после ухода сестры, приходя домой, украдкой ей ещё долго приходилось еле сдерживать себя от набегающих слёз…

———————

Любовь Николаевна была на кафедре, подбирала какой-то материал, когда стали вдруг из аудитории, где вёл занятия её молодой коллега, доноситься какие-то ликующие выкрики и шум-гам с рукоплесканием. Затем он зашёл на кафедру.

– Юрий Иванович! Что там за шум, что случилось, коллега, уж не революция ли опять? – не без сарказма спросила она.

– Хуже, Любовь Николаевна! – он оглянулся назад. – Там чернь упражняется в стихотворстве, пожаловали товарищ Есенин, любимец «передовой» сегодняшней молодёжи, – тоже не без иронии ответил он, – Встреча, так сказать с кумиром-земляком, он ведь нашенский, Рязанский, из Константиново, есть такая деревушка.

– Ну так, что же! Сему мероприятию, как и каждому своему делу, должно быть время и место, – заметила ему она.

Он развёл руками, что, мол, я могу поделать.

– Хорошенькое дело, – возразила она, уповая на его несостоятельность и нерешительность что-либо сделать. – Ну-ка, пойдёмте!

Они вышли и направились в аудиторию. У входа в аудиторию толпились студенты.

– Что здесь происходит? – обратилась она к собравшимся, которые расступались, давая им пройти.

– Есенин, Любовь Николаевна! Читает свои стихи, – ответили ей из толпы.

Они вошли. Перед ними открылась такая картина: двое молодых мужчин, прилично «нагруженных» спиртным, один из них сидел на краю стола, поддерживая второго, то бишь Есенина, который, взобравшись на этот же стол с бутылкой в руке, второй размахивал и что-то урывками выкрикивал.

Увидев вошедших преподавателей, студенты притихли.

– Что здесь происходит, кто-нибудь объяснит? – обратилась она к аудитории. – Кто эти молодые люди, и почему вы, простите, – обратилась к непрошеным гостям, – в таком недозволенном состоянии, да ещё непристойно себя ведёте?

Есенин с презрением и отвращением посмотрел на неё, – мол, что такое и кто такая?

– Что вы здесь делаете, молодые люди?! – поправляя пенсне, повторила она. – Потрудитесь немедленно покинуть аудиторию, вы срываете учебный процесс, – обратилась она к нему на его хамскую выходку и недоброжелательный взгляд.

– Что! – скорчив гримасу, резанул Есенин и отхлебнул из горла бутылки вино. Затем хотел, по-видимому, вставить резкое словечко, но его товарищ одернул:

– Я тебя прошу, пойдём отсюда.

Махнув рукой, Есенин соскочил со стола и, проходя мимо неё, буркнул:

– Карга старая.

– Воистину хамству пролетариев нет предела, – возмущённая, ответила ему вслед.

– Стыдно, молодые люди, – обратилась она уже к студентам, – стыдно и омерзительно, товарищи-коллеги, будущие педагоги-воспитатели. Я, конечно, понимаю вас! Ваш молодой порыв к чему-то новому, что не день, то какое-нибудь событие, в духе, так сказать сегодняшнего дня, но надо знать место и время. И потом, – она указала рукой на стол, напоминая им картину только что увиденного, – есть, в конце концов, какие-то рамки приличия.

В аудитории наступило молчание.

Не дождавшись от подопечных ни извинений, ни оправданий за срыв занятий, она обратилась к своему коллеге:

– Юрий Иванович, пожалуйста! Продолжайте занятия, – и сама покинула аудиторию.

_____

Скоро из-за нехватки педагогических кадров для начального и семилетнего образования (программа по ликвидации неграмотности) педагогический институт преобразовали в педагогический техникум для увеличения числа выпускников со средним специальным образованием.

В связи с реорганизацией профессорскому составу были предложены другие места работы, согласно их званиям и квалификации. Любови Николаевне Запольской была предложена штатная должность профессора математики в Саратовском университете с предоставлением жилплощади и сохранением льгот.

Она выехала в Саратов на новое место работы.

8

Саратов разочаровал её: не было очарования в самой жизни города. Стоял он в грязи и кишел рабочим суетливым людом, не обременённым культурой, и тяготило сознание того, что культура не нужна здесь никому. Новое место

работы от прежнего особенно не обличалось ничем существенным: ни характером работы, ни общественной жизнью этого учебного заведения. Весна следующего года была уже на исходе, когда она, обжившись на новом месте, решила сообщить о своем пребывании в Саратове Извольскому в надежде, что ей будет с кем делиться своими впечатлениями на происходящее вокруг, в том числе и о работе в новых условиях, разумеется.

«Надо сообщить ему, что мисюсь Любаша в Саратове», – с шуткой подумала про себя. Ответа от него долго не было, поскольку письмо долго ходило, пересылалось на новый его адрес. И в начале следующего года, наконец, получила от него письмо. В нём он сообщал, что ещё с 1922 года является профессором II Московского университета и с некоторых пор совмещает профессорскую работу в Москве с Ярославлем.

В Саратове постепенно всё утряслось, превратилось в будничную повседневную жизнь, и стала жить она, как все, под девизом: «Работа или голодная смерть».

«Какое уж тут творчество? – отвечала она в одном из своих писем на его вопрос о возможности заниматься там наукой. – Для признания человека как ученого требуется ему не только много знать, но и учитывать фактор времени, в котором ты живешь и работаешь. Изменившиеся внешние социальные обстоятельства в стране могут поддерживать или, напротив, затруднять творческое развитие человека. Однако, всё же благоприятные обстоятельства – это не только каждодневный труд, но и достойное поощрение его государством. А все поощрения, извини, сводятся лишь к небольшому жалованию и выдаче продпайка… И зачем было, скажем, отменять тот же НЭП, – всё продолжала она делиться своими впечатлениями, – была хоть какая-то возможность купить тот же отрез материи, чтобы прикрыть, пардон, свой зад, дак и того лишили. И потом, – продолжила она в письме, – я решительно не понимаю, зачем было делать социальную революцию, если мужичьё с бабами, – этот гегемон-пролетариат, всё равно страдает и живёт, лишённый самого элементарного для нормальной жизни. И опять-таки, зачем им грамотность, если цель и смысл их жизни – нужда и безнадёжное невежество. И для каких высших целей, позвольте полюбопытствовать, всё это делается и терпится народом…».

Глядя на своих полуголодных и оборванных студентов, она испытывала к ним жалость и возмущение к власти одновременно!

«Над ними тоже тяготеет беспощадная угроза – «учёба или голодная смерть», – думала она. – Этот ультиматум, подкреплённый Советской идеологией, заставляет их учиться, как не может нормальный человек в таких условиях учиться, не теряя человеческого облика», – вот что она имела в виду.

Вопрос – «ради чего», который часто, глядя на них, задавала себе, она начинала понимать, что жить для них означает не столько кем-то быть, сколько что-то делать. Не приобретением благ и удобств для себя в этой жизни они были озабочены, а обретением себя и какой-нибудь достойной цели. В последних письмах переписки Извольский предлагал ей переехать в Ярославль, где для неё тоже найдётся работа в пединституте, – он там преподавал математику. К тому же уверял её, что будет возможность продолжить заниматься научной работой. Хотя к тому времени их отношения были уже, мягко выражаясь, далеки от амурных, но, всё же, подумав, она решила: «Раз Саратов не пришёлся по душе, да и в Рязани не осталось родных, то не всё ли равно, где заканчивать свою… карьеру?».

С подачи Извольского, ректора Ярославского пединститута, она была приглашена принять кафедру и вскорости переехала в Ярославль. Здесь, заведуя кафедрой, она публикует свои труды.

9

Николай Александрович постоянно проживал в г. Епифань, а Москву и Ярославль посещал только для прочтения лекций как профессор тамошних учебных заведений. Всякий раз, когда он приезжал в Ярославль, по её глазам видел, что она ждала его. И приветствуя друг друга при встрече на кафедре, она сама признавалась ему, что ещё с вечера у неё было предчувствие: «Он непременно должен появиться». И они каждый его приезд боялись того, что могло открыть тайну их отношений для окружающих.

Они всё ещё любили друг друга, но иногда она задавала сама себе вопрос: к чему могут привести их отношения, и не хватало у неё сил, чтобы порвать с этим навсегда, ибо может оборвать счастливое течение жизни его семьи. Он, видно, рассуждал подобным образом, поэтому и не решался на более решительный шаг в их отношениях.

Между тем, чередою прошло почти пять лет, как она обосновалась в Ярославле. В последнее время у неё бывало часто плохое настроение, являлось к ней сознание неудовлетворённости своей личной жизнью. Считала уже свою семейную жизнь испорченной и, раздумывая, отчасти винила в этом и его: «Он ведь мужчина – он должен был сделать первый шаг в наших отношениях». Ей уже не так, как когда-то, хотелось видеть его, она испытывала даже некое расстройство нервов.

По вечерам, в одиночестве, Любовь Николаевна всегда имела обыкновение сидеть с книгой в руках, на уголке кровати, прикрывшись пледом. Её лицо при

вечернем слабом освещении электрической лампочкой выражало какое-то неудовлетворённое состояние души. Казалось, что её душа обременена невысказанной печалью, может, даже горем…

Это дома она всегда такая, в печальном образе, а в университете на людях, особенно среди молодёжи-студентов, всегда живая, приветливая, общительная, одним словом, незаметно для окружающих прекрасно справлялась со своей меланхолией-хандрой.

В один из вечеров во время чтения книги перед ней, словно пламя, вспыхнули воспоминания. Она сняла очки и устало прикрыла руками глаза. Эти воспоминания нашли на неё внезапно, и она почувствовала какой-то рок в собственной судьбе.

«Мы любили друг друга, а что с того?» – это она про Николая Александровича.

Она оглядела комнату с выцветшими обоями, на которых висели кое-какие семейные фотографии в рамочках. В комнате мебель вся не слишком старая, но уже далеко не новая. Всюду было чисто, уютно, все вещи на своих местах, но всё равно у неё было ощущение пустоты в этом замкнутом пространстве. То, что было между ними за эти годы, ничто, по сравнению с ещё не высказанным и не решённым в горьком своём одиночестве. Но она уже чувствовала, что настала одна из тех минут, когда эта мучившая её ноша грозит рухнуть на землю, и тогда, может быть, настанет какое-то облегчение души.

Он в Ярославле в эти дни и сегодня должен вечером прийти в гости проведать!.. Из кухни доносился запах пищи. Она встала, оставив книгу, засуетилась, глянув на часы, её охватило обычное опасение хозяйки, ждущей гостей. На столе появилась белая скатерть, выставлены столовые приборы на двоих. Стол был накрыт по-праздничному. Ещё раз окинув взглядом его сервировку, про себя подумала: «Всё как всегда делала Саша».

Затем пришёл он с букетом цветов. Ступая тяжело и устало, войдя в квартиру, сухо произнес:

– Принимаете гостей, здравствуйте! – поцеловал ей руку, когда она приняла букет.

– Принимаем! – нежно посмотрела на него. – Сейчас будем ужинать, Николай Александрович, можете мыть руки.

– Да, конечно! – прошёл в ванную комнату. Приведя себя в порядок, он сел за стол и стал смотреть, как она возится у плиты. Она почувствовала на себе его

взгляд и, обернувшись, посмотрела на него вопросительно-недоумевающе. Затем, поставив всё с плиты на стол, сняв с себя белый передник, тоже присела.

Он был голоден и принялся сразу за еду, оставив разговоры и все вопросы на потом. Ел он молча, и ей казалось, что это молчание душит её. Весь этот обед – всё было как-то буднично, не так, как она представляла «обед на двоих». Она ждала, что первым заговорит он. Немного насытившись, он наконец сказал:

– Да! Твоё методическое руководство выйдет уже в этом месяце.

– Вот как?! – отозвалась безразлично она и уже официально. – Благодаря вашим заботам, Николай Александрович.

– Есть такое, немножко, – улыбнулся.

«Вот он сидит передо мною, уже с лысиной и седой бородой, – подумала она, – обыкновенный с виду экземпляр серенького мужичишки, каких немало». Она делала все эти годы всё возможное, чтобы как-то приспособиться к нему, научиться принимать его, как он есть, с его заботами о своей семье, и таскалась за ним по всему белому свету. Они молча посмотрели друг на друга. Щемящее чувство бессилия поднялось в них обоих. Будто внезапно пробудившись, видит она, какой он уставший и как постарел. Он же, в свою очередь, замечает вдруг, какая поникшая она сидит – живая тень прошлого. Но замечает это не с досадой, а с нежностью, и думает, что ведь, в сущности, она всё их знакомство держалась мужественно и не причиняла ему своей любовью никаких неприятностей. Глядя на него, робкое желание возникает в ней на мгновенье: «Прислониться головой к его плечу, как когда-то…».

А у него прокрадывается мысль обнять её, как когда-то. А потом…

Серая бесконечная повседневность год за годом перетирала их до тех пор, пока их души совсем не истощились, и не осталось уже никакого романтизма, никакой надежды в их жизни что-то менять, да и надо ли что-то менять теперь?!

Потом они говорили долго, вспоминали те дни счастья, когда были вместе, и как бы подытоживая высказанное, она, вздохнув, тихо проронила:

– Жаль, что мы не завели ребёнка, какое было бы это счастье сейчас! Ведь мы тогда были ещё относительно молоды.

На что он, горестно улыбнувшись, ответил:

– Может, ты и права, дорогая! – и, помолчав, уже утвердительно добавил. – Надо было!

В жизни не бывает ничего, что не кончалось бы рано или поздно. Так и в их отношениях. Он уехал в очередной раз, и во время очередной разлуки она поняла и, может, даже приняла с лёгким сердцем, как всё это мелко и ненужно, – эти их отношения, и как было обманчиво всё то, что им мешало быть вместе…

Доктора порекомендовали ей лёгкий тёплый климат, ибо надо было уже подлечивать нервы, и она, бывая в Москве, поинтересовалась в наркомате о возможности перебраться с работой куда-нибудь поближе к югу. По рекомендации наркомата вскорости пришло приглашение принять кафедру в Кубанском педагогическом институте.

В этот же год она покинула Ярославль.

10

Прошло несколько месяцев, как она перебралась на Кубань, в Краснодар. На новом месте, как и в прежние времена, очень скоро наступили серые будни, беспросветное существование, можно сказать! Любовь Николаевну в последнее время мучило ощущение того, что в условиях такой одинокой семейной жизни, связанной с частой переменой места жительства, она стала «опускаться» физически и духовно, хотя убеждала сама себя:

«В конце концов, так же трудно и скверно живут миллионы людей России, пардон, Советского Союза».

Она никогда не высказывала открыто вслух своих чувств к новой власти, но взгляды её на происходящее в стране говорили сами за себя. Да и могло ли быть иначе? Долгие годы скитаний по «чужим углам» в непростое для страны время, связанное с империалистической войной, двумя революциями, гражданской войной и, наконец, началом становления нового государства губительно действовало на человеческий разум. Она стала чувствовать, что всё меньше замечает красоту, ибо вокруг всё в хаосе, и всё меньше «наслаждения» стала ей доставлять её работа ума! С ужасом, как ей самой казалось, видела, как гаснет её разум… С чувством жгучего унижения она убеждалась, что уже не способна, как бывало раньше, мыслить сосредоточенно, углублённо, творчески.

«Самый надёжный путь к будущему лежит через прошлое, – рассуждала, успокаивая себя, – мы привыкли повторять, что творчество – это, прежде всего, труд и труд тяжёлый, замечу! Но никто не сказал, что творчество – это радость и счастье для творческого человека в преодолении этих трудностей трудом. Наука – это поиск истины с целью познания».

_____

Прежде в грустные минуты она успокаивала себя всякими рассуждениями, какие только приходили ей на ум. Теперь же, когда голова была уже седа, ей было как-то всё равно, не до рассуждений. Сильно стала тосковать, вспоминая о матери и о Саше. Уже избавила сама себя от необходимости отношений со своим Николя! И стала ловить себя на мысли, что можно спокойно жить в разных городах, не видеться подолгу, а может, теперь и… совсем? Хотя, думая об их отношениях, иногда восклицала:

«Николя! – мой верный друг по жизни, всегда поддерживал в трудные минуты. Это теперь уже единственный оставшийся близкий мне человек».

Горькие, правда, мысли. Ну что ж, раз так распорядилась судьба. Она впервые за много лет стала задумываться о своей жизни, о своём прошлом, разумеется! И стала замечать, что быстро утомляется на работе. Куда приятнее было бы спокойно сидеть и думать дома. Тридцать лет преподавания – это большой срок в жизни. Резкий рывок в учёбе, затем подъём в науке, а потом «страшная» жизнь одиночества…

В последние дни ей особенно нездоровилось: временами кружилась голова, ныло сердце. Её плохое состояние заметили коллеги, когда на кафедре ей стало совсем плохо. Головокружение повторилось с особой силой, когда она, вставая со стула, в присутствии коллег на кафедре вдруг чуть не упала.

– Что с вами, Любовь Николаевна! – подхватил её один из коллег.

– Не знаю. Я, кажется, немного нездорова. Это ничего, сейчас пройдёт.

Кто-то вызвал врача. Было три часа, а к четырём явился доктор – старикашка, профессор.

– Старого завета папаша, – кто-то пошутил из её молодых коллег.

Их оставили одних. Доктор подверг Любовь Николаевну длительному допросу. Закончив осмотр, сказал:

– Ну-с, так-с! Ничего органического я не вижу. Просто переработались, сударыня, и нервы сдали. Шутка ли, пять переездов и тридцать лет работы. Вам нужен отдых, – он посмотрел в лист осмотра, – необходим покой, любезная Любовь Николаевна!

– Но я не могу себе позволить отдых!

– Очень даже можете, – возразил он. – Подайте прошение о пенсии. Вам известно, что согласно декрету по вашей квалификации ученого полагается персональная пенсия, – охотно намекнул он на то, что сам персональный пенсионер как профессор от медицины.

– Вы это говорите потому, что считаете меня безнадёжно больной?

– Бог с вами, сударыня, я вам сказал уже, – выписывая рецепт, не глядя на неё, стоял он на своём, – что вы сильно переутомились и требуется отдых. Ничего серьёзного не нахожу – никакого рецидива. Вот вам рецепт и бога ради, любезная Любовь Николаевна, послушайте моего совета. За свои долгие годы практики я имею право советовать. Искренне желаю вам здравствовать. Засим разрешите откланяться, до свидания! – он вышел.

– Проводите меня, а то я не найду выход, – обратился он к одному из её коллег, стоявшему за дверью.

«Как странно, как невовремя и нелепо – эта болезнь. Только начала работать на новом месте, – думала она, – может быть, всё ещё изменится, – и тут же сама себе стала возражать. – А впрочем, надо перестать себя изнашивать в угоду кому-то для образования, – это она про своих подопечных, – тридцать лет жизни ушли у меня на это».

Она совсем пала духом, придя домой, и уже подумывала, не вернуться ли опять в Рязань… Подала заявление в наркомат образования и неожиданно вскоре получила письмо, в котором говорилось, что ей назначена персональная пенсия…

_____

Она выехала в Рязань. Согласно декрета за ней сохранялись все права и льготы. Стоило ей только прибыть в Рязань, как она вздохнула полной грудью. Знакомые всё же места: улочки-переулочки, контуры домов, – всё это размягчало её, расслабляло не отпускавшее напряжение. Она жила теперь своим покоем, но при этом живо интересовалась всем новым в науке и заново переживала, казалось, забытое прошлое. Жить стала не столько в постоянном раздумье, сколько в полной гармонии с окружающей её средой – как оно есть! И с удивлением иногда отмечал для себя, как живо встаёт прошлое в памяти и как по-новому она теперь относится к этому прошлому.

Любовь Николаевна в начале тридцатых годов, будучи персональным уже пенсионером, живо интересовалась и следила за всеми новинками в науке. Она и в новом качестве пенсионерки не оставляет научных занятий, становится членом Рязанского научного общества. Через это общество, в летнюю пору, пришло приглашение из Германии, где в Геттингенском университете будет проводиться научный симпозиум математиков. И ей было предложено поехать туда, поскольку этот университет был тоже в её биографии.

Для неё последние дни шли однообразно, но внешне не было заметно, чтобы она тяготилась этой однообразностью своей жизни. В её характере не проявлялась ни повышенная чувствительность, ни излишняя нервозность, хотя уже её здоровье нельзя было назвать крепким, но всё же оно пока и не доставило ей особых хлопот. Как ни странно, но из-за частых переездов и смены места работы никакой «болезненной» восприимчивости она не испытывала – покидала прежнее место безо всякого сожаления. Вот и на это приглашение, поездку в Германию, отреагировала спокойно и была убеждена, что раз приглашают, значит, надо ехать, значит, так необходимо?..

Приехала в Геттинген в июле месяце. На вокзале, поручив свой небольшой багаж встречавшим, отправилась в дом приезжих при университете. Она не стала в этот же день посещать университет и разыскивать кого-либо из знакомых, оставшихся ещё в живых, ибо уже прошло тридцать лет. А, может быть, ещё потому, что ни один из тех, кого знала в университете, когда здесь пребывала, не были её задушевными друзьями.

Хотя еле сдерживала себя, чтобы не пойти осведомиться об одном человеке, если только он жив. На следующий день прибыла в университет. Побывала на кафедре, где остался её единственный знакомый, бывший ассистент кафедры Нейман, а теперь этот уже тоже пожилой человек возглавлял после Гильберта кафедру. Она справилась о нём, на что получила неутешительный ответ. Когда начались после докладчика прения, Любови Николаевне, учитывая возраст, дали слово в первой половине дня, где она успешно выступила, представляя математиков своей страны. Во второй половине дня, вернувшись к себе, немного отдохнув, собравшись духом и мыслями, она пошла в парк, где во времена её учебы часто совершались с профессором Гильбертом «математические прогулки», где деятельно обсуждались решения научных проблем и… не только, ставшие неотъемлемой частью обучения и общения студентов с профессором, сопровождавшиеся всегда длительными дискуссиями.

_____

В большом парке всё осталось по-прежнему спокойным и величественным. Солнечный свет проникал сквозь листву крон деревьев, столетних исполинов-дубов и молодого ясеня. На одной из скамеек сидел пожилой мужчина. Любовь Николаевна, проходя мимо, вгляделась в него, улыбнулась про себя и что-то пробормотала. Она, конечно же, узнала его. Присела на скамью поодаль от него и, немного выдержав паузу, сказала:

– Хорошо в это время года в парке.

Старик, не расслышав, приложил ладонь к уху, и она, подвинувшись к нему, насколько было прилично, повторила свои слова громче.

– Да, в парке всегда хорошо, – ответил он, почувствовав сразу, что у этой женщины доброе и отзывчивое сердце, и так как они были оба немолодые, то им нашлось о чём поговорить. Старик в натянутой глубоко на голову шляпе, с серебристой бородой и ласковыми слезящимися глазами оказался куда как словоохотлив, и между ними завязался разговор. Она не стала сразу выдавать себя, а расспрашивала о нём самом. Как все старые люди, он рассказывал не спеша и обстоятельно про то, что она давно сама знала, но с милой улыбкой на лице продолжала его слушать.

Он рассказывал, что прослужил в здешнем университете профессором математики большую часть своей жизни, как часто он со своими студентами и аспирантами устраивал дискуссии, проводя время в этом парке, и какое это было счастливое для них всех время. Он также рассказал, доверившись собеседнице, о самом сокровенном: о девушке из России, о своей студентке и аспирантке, с которой бродил по этому парку. Говорил он об этом так увлечённо и трогательно, что не заметил, как она приблизилась к нему вплотную, взяв его под руку. Говорил, что потом она уехала к себе в Россию, и как он сожалел о том, что не нашёл нужных слов для неё, чтобы им быть вместе. И ещё о том, что, будучи человеком женатым на то время, корил себя за то, что не хватило смелости оставить жену Кети с подростком-сыном ради той большой их любви. А ещё, помолчав, говорил о том, что постоянно не хватало денег, и только в последние два десятка лет службы, уже когда он стал человеком известным в научных кругах и немолодым, у него, наконец, стали водиться средства, которых уже хватало на семью, на экономку и на лечение всяких нажитых за годы болячек. Потом он затих, а она не знала, что ему сказать в ответ, упоённая и растроганная его откровенными рассказами.

– В сущности, я по-настоящему был счастлив только тогда, когда мы были с ней вместе, – продолжил он после небольшой паузы, – да и правду сказать, счастливые часы знавал только здесь, в этом парке, но они были коротки, и было

это так давно. Время бежит так быстро.

– Да, жизнь состоит из коротких счастливых часов и долгих лет ожиданий, – отозвалась Любовь Николаевна на его откровения. – Я ведь тоже была и училась тогда в этих местах, а теперь эти годы просто вычеркнуты из моей жизни. Мне теперь самой не верится, что я жила здесь, как давно это было… Вы правы.

Его одолевала старческая дремота, он стал клевать носом, закрыв глаза, склонил незаметно голову на её плечо. Она посмотрела на часы – семь часов.

– Давид! – наконец назвала его по имени, чтобы освежить ему память. – Уже поздно, мы засиделись.

– Да, давит сон, – не расслышал её. – Пора домой, – он только теперь почувствовал, как они сидят близко рядом. Она с улыбкой глянула на него, покачав головой.

– Давид, Давид Оттович! – громко повторила она. Он очнулся от дремоты, не взяв ещё в толк, откуда она знает… Пристально стал всматриваться в её глаза, а по её лицу морщинками расходилась трогательная улыбка, и свежестью блестели голубые глаза.

– Люба-ша Запольская, ты?

– Я гер-профессор. Давид, я знаю, что вы хотите сказать, но… лучше давайте помолчим.

Он, молча сняв шляпу, склонил голову, чтобы поцеловать ей руки, а она поцеловала его в щеку и обняла рукой за шею. Затем он быстро по-молодецки выпрямился.

– Боже мой! – сказал, глядя на неё в упор. – Кто бы мог подумать. Сколько лет прошло, – усталость и дремота его исчезли, он неожиданно встал, постояв в молчании, опять присел и стал говорить:

– Как ты? Ничего не знаю о тебе с тех пор, расскажи.

– А что рассказывать, Давид Оттович, – она нервно усмехнулась, – про мои счастливые дни вы только что сами всё рассказали, а в остальном – в остальном история обыкновенная. Как вы оставили меня, отдав «замуж» за математику, так вот с тех пор в душе с ней и живу, – она опять нервно усмехнулась, – вернее, уже прожила? А здесь я на симпозиуме по приглашению математиков нашего родного с вами университета как профессор математики, – не без гордости сказала она.

– А я третий год уже в университет не хожу. Как отправили меня в 1930 году… Да и по правде сказать, эта власть, эти национал-социалисты… Видите ли, кое у кого оказалось недостаточно арийской крови, поэтому многие коллеги вынуждены эмигрировать, – затем он, помолчав, уныло сказал. – Математики в Гёттингене больше нет! – опустил голову.

– Да я в курсе, говорила сегодня с Нейманом.

– Славный он малый, но что он может поделать, – отозвался профессор о бывшем своём ассистенте, и как бы опомнившись, – да что я опять про себя, как ты? – он поднял голову, уловив на себе её взгляд, болезненно улыбнулся. Затем опять поцеловал у неё руки, а она поцеловала его в щеку.

– Боже мой, ты тогда тоже… меня любила?

– Любила, Давид Оттович! История, простите, обыкновенная. С годами проходит молодость, но любовь, … любовь – другое дело. Уже поздно, вам, наверное, пора, а то будут волноваться ваши домочадцы.

– Я всегда ухожу отсюда в семь.

– Вот видите! – она глянула на часы, – а сейчас уже половина восьмого.

– Да, пора. Ты теперь смело можешь прийти к нам – моя Кети уже давно не ревнует меня к студенткам, дорогая!

Она с улыбкой покачала головой.

– А вы все такой же донжуан, Давид Оттович, – она вздохнула, – ну да что мы теперь об этом. Кофе идти пить уже поздно, так что вам не придётся оправдываться перед женой на мой счёт. Пойдёмте, я провожу вас немного.

Они встали и под ручку не спеша зашагали по аллее.

– Ну хорошо, Люба-ша! – и о чём-то подумав, сказал. – Да и экономка уже, наверное, ушла, а завтра милости просим на обед, я с утра предупрежу экономку о гостях. Завтра пополудню я буду ждать тебя здесь, у входа, – сказал, когда они дошли до конца парка.

Они мило, уже как старые близкие друзья, поцеловались и … расстались. Она прошла немного, а затем, обернувшись, подумала, глядя ему вслед:

«Господи, что мы за люди. Читаем лекции в университетах, имея ученые звания, а не способны на самое простое, земное – устроить себе счастливую личную жизнь. Променяли своё счастье на какую-то «магию чисел».

Вернувшись из парка, она долго не ложилась, всё рассуждала. Память возвращала во всё то, что дорого ей было в их отношениях от самого первого знакомства до сегодняшней беседы в парке. Думала, как ей поступить с его приглашением к себе домой, и сама же себе ответила:

«Свела же нас судьба! Но мы, поглощённые своим занятием, не сумели отстоять самого дорогого, что было в наших отношениях. Он не смог тогда оставить свою семью из-за «излишней» своей порядочности, а я по молодости лет, проявив «излишнее» самолюбие, поспешно уехала в Россию, хотя все эти годы всегда с восторгом и благодарностью вспоминала о нём. Пойти завтра и сидеть, вздыхать, вспоминая безвозвратно ушедшую молодость, когда, пардон, уже физически никому не нужна. Нет уж, извините!».

Она тотчас стала поспешно собираться и утром уехала в Берлин. Через два дня она была уже в Москве.

12

Вернувшись из Германии, она никогда уже больше не выезжала из Рязани, не посещала и научное общество. Там, где они жили, на том месте стали строить школу и её переселили в другое место, дав жилплощадь. С этого времени в основном она занималась собой: ежедневное чтение, музицирование, а также иногда проводила занятия по математике со школьниками – детьми соседей по дому. Так и пролетели тридцатые годы. В начале сороковых, когда Любовь Николаевна перешла грань своего семидесятилетия, её все чаще стали донимать болезни. Тёмные, бурые ночи войны, кругом холод и голод, угрюмо и мрачно всё. К осени 1943 года она как никогда расхворалась. Утром, проснувшись, лежала в постели и думала о том, что надо бы сходить в город.

Согнувшись вдвое, она вылезла из постели и начала одеваться. Стоило ей только наклониться, как начинались боли. Трудное это занятие – одевание, но когда всё это оставалось позади, острая боль утихала и переходила в терпимую-ноющую…

Поздняя осень. На окнах по утрам появляется уже иней, но погода стояла тихая. Немного расходившись, поставила греть чай, хотя есть не хотелось – не было аппетита. У неё всегда были кое-какие припасы: картофель, соль, крупы, сушёная рыба, серый хлеб – набор, так сказать, согласно военному времени. И всегда был кусочками сахар, которым она подкармливала ходивших к ней заниматься соседских девочек и который ей с завидной регулярностью поставляли то одни, то другие её бывшие студенты.

Испив чаю, немного согревшись, она сбросила с плеч плед и стала одеваться для выхода во двор.

Она всё могла выдержать, и мысли её уже ограничивались только сегодняшним днём, а что будет завтра… Она знала, что всегда всё кончается.

Единственно, чего она боялась – быть одной. После того как не стало сестры, кому она была нужна и о ком ей нужно было заботиться? А теперь из родных никого нет, все умерли, и она почти забыла их всех с годами. Иногда всплывали воспоминания о том, как они были вместе, но никак не хотела осознавать, что всё это произойдет скоро и с ней.

«Только бы мне хоть немного ещё уберечься», – думала она, выходя на улицу. Все её страхи кружили вокруг одного единственного: не остаться в такой момент одной. Поэтому всё чаще стала зазывать к себе соседских девочек.

Она гордилась тем, что её, старуху, узнаёт молодёжь, и когда они здоровались с ней, называя по имени-отчеству, на её лице оживала старческая улыбка.

«Думаю, что ещё немного протяну», – успокаивала себя. Она делала движения вперед и чувствовала, что чем дальше от дома, тем быстрее убывают силы. Болели ноги, спина.

«Я состарилась, мамзель-фрейлин, – с улыбкой и горечью думала она, – иду тут себе старая и немощная».

Глубоко в её душе рождался бунт непонятно против чего, а, главное, кого, но это у неё быстро проходило – эти мысли, и ей становилось стыдно своей слабости.

«Слава Богу, хожу ещё на своих ногах, идти лучше, чем лежать, – думала она, повернув к дому, – надо идти обратно».

Немного кружилась голова, и она, дойдя до дома, присела на скамью.

Когда у дома она встречалась и разговаривала с соседками о том, как там на фронте дела, она всегда отворачивала от собеседницы взгляд и смотрела куда-то в сторону, думая про себя:

«Немцы! Господи, а как же Давид, он никогда не посмел бы сделать никому плохого».

Он напоминал ей о тех добрых временах, когда они были молоды, а им, соседям, ненависть к врагам – немцам – придавала бодрости.

«Боже мой, всё перевернулось», – думала она с бессильной горечью. Смотрела на свои руки и вспоминала, как он целовал их, и эти воспоминания в сегодняшней её реалии теряли силу, и она видела только собственные руки – больше ничего, чувствовала даже себя немного виноватой, что оказалась когда-то там.

«Чёрт возьми, что это я совсем раскисла», – хлопнула себя по коленкам и пошла в дом.

С каждым шагом ноша становилась всё тяжелее. На улице запорхали снежинки. Прийдя домой, плотно закутавшись в свой плед, села она у окна, а в голове так и носятся математические числа, так же как за этим окном падают снежинки. И как эти снежинки проносятся в её воспоминаниях картины прошлого.

Тяжёлые годы XX века – Первая мировая война, гражданская война, затем внутренние распри терзали страну, а тут ещё эта Вторая мировая война. В такие периоды кризиса, когда по сравнению с человеческой жизнью всё остальные блага превращались в ничто, казалось бы не до наук – не до математики!? Но даже и в такие тяжёлые периоды истории страны находились сыны у народов, чтобы служить развитию науки и техники. И высшая математика находила особое воплощение в этом развитии. Боготворя и восторженно относясь к науке математике, Любовь Николаевна верила в её пользу для технического прогресса. В ней настолько было это сильно, что оказались вынесены на второй план все проблемы бытия – проблемы нищеты, злобы и ужаса в народе.

Она взяла шкатулку, где лежали её фотокарточки, вынула золотое пенсне и, приложив его к переносице, стала их просматривать. Между ними была и карточка Гильберта, и она стиснула губы, чувствуя приступ слёз. Это были слёзы по молодости, по тому счастливому лету, что однажды выпало ей, где-то там, в далёкой Германии.

Жизнь прошла – осталась одно разочарование. Прошла злоба на глупость молодую – осталось одно презрение. Она теперь была уже слаба, склонна к слезам и грусти. Сидя в своей комнате у окна, думала только о прошлом и никогда о своём будущем. Но порой в полной тишине садилась за стол, и слышен был в этой тишине только один неторопливый скрип пера. Что она писала? Знала только одно: отдав все свои силы и жизнь науке, под старость обречена на нищету, можно сказать, выставлена на позор.

Чем она была богата, так это воспоминаниями. Все восторгались ею, как человеком редкого ума и учёности. В те роковые двадцатые и трагические тридцатые годы она никого никогда не боялась: ни НКВД, ни прочих

функционеров от Советской власти, хотя ей старались приписать якобы «связь» с Германией…

Встала и приоткрыла форточку. Повеяло негою, и её возникшее желание вздохнуть полной грудью и желание жить слилось воедино.

«В жизни, несмотря ни на что, ведь было много хорошего», – рассуждала она, вспоминая такой же свежий ветерок в свою молодость в парке с шорохом дубовых листьев. Но стоило ей вспомнить о людях, которые в разное время окружали её, сразу одолевала тоска. Она призывала в себе их образы один за другим, и все они безучастно к ней проходили в памяти мимо и «оставляли» её наедине со своими думами. Она стала малодушна. В голову приходили мысли и чувства, какие раньше и не подозревала в себе. Например, мысли о «потусторонней жизни». Подумав о чём-то, испуганно отошла от окна: «Великая печаль наша в том, что душа наша всегда одинока, нет никакого слияния душ. Я ведь атеистка. Моё мышление основано на метафизике – своим сознанием стараюсь добраться до истины, а не рассчитываю на благодать мифического «святого духа». Поэтому не будет у меня «там» слияния моей души ни с матерью, ни с Александрой, ни с тем, которого покоила всё это время в своём сердце».

Прилегла на кровать, лежала неподвижно и стала засыпать, растроганная воспоминаниями, но тут послышался шорох, а затем скрип двери, и она оживилась. «Пришли девочки мои заниматься математикой», – подумала она, и на её морщинистом лице появилась слабая улыбка. Затем она почувствовала озноб во всём теле, пошло помутнение в голове, глазах и всё… затихло.